

СТЕНОГРАММА
Семинара «СПС» на тему: «Структурная политика
(от экономики переходной к экономике постиндустриальной)»

11 марта 2002 года

ГАЙДАР Е.Т.

Уважаемые коллеги, продолжаем проведение наших семинаров. Еще раз напоминаю формат. Мы не обсуждаем текущую политическую конъюнктуру. Мы не обсуждаем вопросы имиджа и лозунгов «Союза Правых Сил». Мы вообще не обсуждаем вопросы программы «Союза Правых Сил». Мы обсуждаем существенные проблемы, связанные с развитием страны, и в этой связи программные позиции для России.

Сегодня мы договорились обсудить проблемы, связанные со структурной политикой в условиях постиндустриального мира. Я предоставляю слово Владимиру Александровичу Мау.

МАУ В.А.

Уважаемые коллеги! Сегодня мы хотели обсудить сюжеты, связанные со стратегическими структурными или индустриальными, но не в смысле промышленности, а именно в смысле структуры экономики, проблемами российской экономики. То, что я буду говорить, это будет, скорее, моя гипотеза, изложенная в нулевом, даже не первом дравте статьи, которую я пару месяцев пытался писать. Повторяю, все это прошу воспринимать как вопросы, как повод для дискуссии или для отсутствия таковой. Я сразу хочу оговориться, что в процессе предварительной дискуссии очередной раз пришлось убедиться, что есть довольно много мифов, каких-то следствий

коммунистической пропаганды относительно представления, скажем так, либеральных сил относительно экономической политики, перспектив экономической политики. Есть попытка ее излишней идеологизации, скажем, тезисов о принципиальном отказе от промышленной политики, принципиальном отказе от определения структурных приоритетов и так далее.

Я в исходном пункте хотел сказать, что мне представляется, что у нас нет никаких заранее заданных догматически сформулированных элементов. Я говорю о себе, когда я выступаю против промышленной политики, особенно промышленной политики в традиционном смысле этого слова, как определения отраслевых структурных и иных приоритетов, я исхожу не из того, что это не соответствует либеральным представлениям и либеральным ценностям, а только из двух предпосылок. Во-первых, мы не знаем эти приоритеты в принципе, российская экономика сейчас находится в том положении, когда сравнительные преимущества еще не определены и априорно нельзя сказать, какие сектора могут быть предметом прорыва, а какие предметом поражения. И во-вторых, такое более фундаментальное обстоятельство, связанное с тем, что в современном мире, как принято говорить, постиндустриальном мире, происходит слишком быстрая смена приоритетов, слишком быстрая смена вызовов, чтобы заранее, особенно на государственном уровне задавать какие-то приоритеты. Я часто привожу такой пример, что в принципе можно поставить задачу произвести больше всех компьютеров на душу населения, и эту задачу можно решить, но к моменту, когда она будет решена, выяснится, что эти компьютеры никому не нужны. То есть это предполагает какие-то иные формы структурной политики, какие-то иные механизмы промышленной политики, принципиально отличные от привычных представлений, связанных, в основном, с особенностями индустриального общества.

Теперь содержательно. Исходным тезисом, на мой взгляд, является то, что Россия на рубеже XX-XXI веков оказалась в положении России рубежа

XIX-XX веков. То есть она находится в ситуации, когда перед ней внутренне, субъективно, во всяком случае, ставят целью догоняющего развития, есть, на мой взгляд, представление элиты, что Россия является страной интеллектуальной и по разным параметрам принадлежащая к тому, что, скорее, относится к первому миру. И в этом смысле задача сокращения разрыва, задача догоняющего развития, может быть, не очень удачный термин, может быть, лучше рывок запоздалой постиндустриализации, но идея понятна - идея существенного сокращения разрыва между наиболее развитой частью мира. И в этом смысле, я повторяю, мне представляется, что задачи, стоящие перед Россией сейчас, они не сопоставимы с задачами, скажем, начала XX века. Дальше начинаются расхождения, поскольку вызовы и механизмы индустриального и постиндустриального мира существенно отличаются, и в этом смысле стратегия догоняющего развития (я буду использовать этот термин, но мы понимаем, что догоняющий – не обязательно повторение стадий, это нечто, что сокращает разрывы, позволяет совершить рывок).

ЯСИН Е.Г.

Перегнать, не догоняя.

МАУ В.А.

Да, например, так. Я не хотел бы спорить о терминах, о том, что «догоняющего развития» неточно. Но дальше можно выделить набор общих характеристик всякого догоняющего развития. Наверное, можно. Скорее всего, они будут слишком общи. Например, по-видимому, государство играет более существенную роль в решении задач догоняющего развития, чем на этапе органичного развития. Но сказать это, это значит не сказать ничего, потому что роль государства в концентрации ресурсов и роль государства в постиндустриальном обществе существенно различна, радикально различна. Но дальше выстраивается набор гипотез, набор тезисов, которые позволили бы охарактеризовать оптимальную стратегию, в том числе и структурную политику, оптимальную стратегию для современной России,

ориентирующейся на долгосрочные параметры. По-видимому, здесь надо задать набор внешних рамок. И вот хорошо, что Анатолий Григорьевич подошел, по-видимому, демографический фактор может быть одним из наиболее существенных, как это ни странно, как в XIV-XVI веках, когда демографический фактор был одним из наиболее значимых в развитии стран, в экономических трансформациях. Может быть. Эта рамка будет очень важна. Наверное то, о чем говорил Владимир Машиц позапрошлый раз. Я не знаю, насколько это серьезно, потому что иногда это выглядит дико, я сразу скажу насчет потепления. Но если это серьезно, то, наверное, это тоже очень серьезная экзогенная рамка. То есть первый вопрос – это тех внешних рамок, которые никак не зависят от политики, и которые задают рамки этого развития. Первый вопрос, на который хотелось бы ответить.

Второй вопрос, вторая группа вопросов связана собственно с политикой государства. Здесь ситуация еще хуже, потому что (я пытался наметить варианты, принципы этой политики) это очень сложно для анализа по двум причинам. Во-первых, я точно понял, что как генералы готовятся к прошлой войне, так же и стратегия рывка основана на прошлом опыте, который, как правило, неуместен. Не только потому, что индустриальные страны развиваются принципиально иначе, но просто потому, что индивидуальные особенности успешного развития каждой страны слишком значимы по сравнению с общими принципами. Я бы сказал так: общие принципы могут говорить, чего, скорее всего, не надо делать, что, скорее всего, опасно. Но они почти никогда не дают ответ на вопрос, а что, собственно, надо делать и почему эти задачи решаются. Но есть основное обстоятельство, резко осложняющее эту задачу. Оно состоит в том, что опыта догоняющего постиндустриального развития в принципе нет. Новые индустриальные страны Дальнего Востока – это страны, решающие индустриальные задачи в постиндустриальном мире. То есть нет предмета анализа. Россия не может брать з их опыта, поскольку это опыт индустриализации. Это опыт

индустриализации, отличный от опыта советской индустриализации начала XX века или германской второй половины XIX-го. Но это опыт индустриализации. Поэтому с точки зрения стратегических ориентиров российского развития тоже многое становится не понятным. Столь же непонятно и с точки зрения определения, скажем, научных приоритетов. Недавно я был на одном совещании у очень ответственных товарищей, которые попробовали собрать ученых, которые бы определили в чем приоритеты развития науки на ближайшие годы и десятилетия. Я уже несколько раньше сказал, что, на мой взгляд, эти приоритеты определить невозможно. Ученые, там были академики, членкоры, сказали: нет, нет, нет, они уже есть, дальше каждый из них объяснял, что их отрасль паритетная и объяснял, что все другие, конечно, важны, здесь присутствующие, но они вторичны по отношению к моей отрасли. Что не есть повод для нападков на ученых, но есть повод понимания той ситуации принципиального незнания, в которой мы находимся.

Для меня до сих пор в принципе остается вопрос – решается ли задача догоняющего развития. Догоняющего и перегоняющего. Потому что, как это ни печально, но, по-моему, экономические источники не знают примеров, кроме, может быть, Германии XIX века, где еще отставание было не столь сильным, когда бы задача догнать и перегнать решалась бы. В 80-е годы казалось, что ее решит Япония. Выяснилось, что она ее не решила, и разрыв начал резко увеличиваться. То есть это тоже одна из проблем, один из стратегических ориентиров, имеет ли эта задача решение в принципе.

И, наконец, последний блок вопросов, о котором я хотел сказать, что с точки зрения сегодняшнего дня, логики развития нынешних производительных сил и некоторого опыта, по-видимому, можно сказать, что если задача догоняющего или во всяком случае устойчивого роста решается, то она решается, скорее всего, в либеральной парадигме. Но не потому, что либеральная парадигма хороша, а просто потому, что, и это, наверное, один из

последних тезисов, наверное, догоняющая индустриализация принципиально отличается от догоняющей постиндустриализации тем, что в первом случае главным термином, главным понятием стратегии является концентрация ресурсов, является концентрация, тогда как в постиндустриальном мире, наверное, адаптивность. Конфликт концентрации и адаптивности предполагает совершенно разные политики. Государство, обеспечивающее концентрацию, это одно государство, и государство, обеспечивающее адаптивность (фраза не закончена).

ЯСИН Е.Г.

Мобилизация еще лучше.

МАУ В.А.

Я специально не сказал «мобилизация», потому что теоретически, на уровне слов можно предположить себе мобилизацию общественных усилий на развитие образования. И это, скорее, постиндустриальный вызов.

То есть разница между концентрацией и обеспечением адаптивности систем как важнейшей функции государства, наверное, определяет разницу в стратегии в том или ином случае. Но все это должно быть наполнено набором гораздо более конкретных, гораздо более внятных механизмов, которые я в данный момент в этом вступительном слове предложить не могу. Спасибо.

МОСТОВОЙ П.П.

Я хотел бы задать два вопроса, которые мне кажутся абсолютно принципиальными, и по сути, наверное, это один и тот же вопрос, на всякий случай заданный под двумя разными углами зрения.

Мы понимаем так, что догоняющее со всеми оговорками развитие осмыслено, когда то, что догоняешь, имеет свой тренд, свое направление движения. Потому что если там нет никакого определенного направления, то ставить вопрос о сокращении разрыва, видимо, бессмысленно. Так есть ли движение в том, что называется постиндустриальным состоянием цивилизации? Это первый вопрос.

И второй сразу же вопрос: а действительно ли существует какое-то особое постиндустриальное развитие, отличающееся от индустриального? Не фикция ли это некоторая? Может быть, нужно отказаться вообще от этой постановки?

МАУ В.А.

Что касается того, чем измерить, дискуссия может быть бесконечной. Но чтобы не умножать сущности, я бы все-таки предложил остановиться на ВВП на душу населения, поскольку это не только количественный, но и существенно качественный (неразборчиво). Совершенно очевидно, что страны от 25 и выше тысяч долларов на душу населения – это совершенно особый мир, со своей структурой производства, долей услуг ВВП. Дальше идет набор структурных характеристик, который отличается от стран 10-15 тысяч долларов, которые относятся к новым индустриальным странам. То есть, по-видимому, речь идет об этом.

Что касается является или нет постиндустриальным, опять, это же мы говорим не о слове. Мы говорим о том, что экономика длинных временных горизонтов, какой является экономика угля и стали, экономика ограниченных потребностей, когда вы знаете, что если вы за 30-40 лет выйдете на первые рубежи по производству угля и стали на душу населения, вы будете одной из самых сильных стран. Эта экономика изменилась. Она изменилась потому, что рост приобрел качественно другую характеристику, что невозможно, по-видимому, определить, что есть этим долгосрочным структурным ориентиром. Даже в терминах информации. Модно говорить да, не железки, а информации. Но опять это во многом вопрос счета. Я думаю, что при определенной методике подсчета можно доказать, что информация была важна и 150 лет назад. Я имею в виду такую принципиальную неустойчивость и динамичность развития, которая (фраза не закончена). Дальше идет набор характеристик. Отсутствие долгосрочной определенности, отсутствие проблемы перераспределения редких ресурсов, во всяком случае резкое сокращение.

Ведь один из важных прорывов Запада в постиндустриальную эпоху к 90-ым годам состоял в резком ограничении зависимости от любых ресурсных поставок. Она была принципиально сокращена. Что и породило на самом деле во многом кризис неиндустриальной части мира, того, к чему стремились новые индустриальные страны. Собственно, вот эта характеристика.

ЯСИН Е.Г.

ВВП на душу населения в Саудовской Аравии упал с 20 до 11 тысяч долларов за последние годы.

МАШИЦ В.М.

У меня два вопроса. Прозвучал такой тезис: оптимальная стратегия России и политика государства. Все-таки, под словом «оптимальная стратегия» про кого идет речь? Потому что Россия как страна, Россия как государство, Россия как народ, Россия как политические группы, Правительство. Про чью оптимальность мы сейчас говорим?

МАУ В.А.

Как марксист я, конечно, признаю классовый подход, но не уверен, что в постреволюционном обществе интересы классов строго противоположны. В постреволюционном обществе происходит формирование некоего консенсуса относительно базовой цели. Действительно, вопрос совершенно справедлив, потому что этот консенсус еще не вполне сформировался, поэтому мы и говорим о долгосрочном ориентире и в достаточно общем виде, а именно в виде догнать и перегнать.

МАШИЦ В.М.

Меня что смущает? У меня всегда в голове концептуально: государство – это государство, а народ – это народ. Без всякого марксизма. Государство и народ при любых определениях – марксистских, не марксистских, каких угодно – у семей, грубо говоря, интересы одни, а у политиков – принципиально другие. Оптимальность чья – народа?

МАУ В.А.

В смысле тактики – да. В смысле стратегии я не вижу принципиального различия. Сокращение разрыва в уровне ВВП на душу населения достаточно общее, универсальный индикатор, который в принципе устраивает все слои и группы интересов. Но это предмет для самостоятельной дискуссии. Причем, совершенно понятно, что понятие оптимальности существенно меняется в зависимости от того, говорим ли мы о годе или 30 годах. В таком примерно горизонте.

КАТАЕВ Д.И.

Мне, во-первых, не совсем понятно. Мы говорим о стратегии в самом широком смысле? Тогда я соглашаюсь, что не нужно здесь догматического подхода по отношению к программам, никаких догм не должно быть – нужны они или не нужны. Но все-таки мне представляется совершенно очевидным, хотя, может быть, я не прав, что программы государственные нужны. Программы реформ, известные нам, не буду их перечислять – военные, образования, между прочим, наукой мы еще не занимаемся, она стучится в дверь, тоже реформа. И в более узком смысле, скажем, вряд ли нужно принимать программу развития металлургии, вряд ли, но, скажем, космической и авиационной отрасли, может быть и нужно. Реструктурирование угольной отрасли, поскольку она захватывает колоссальные социальные проблемы, целые регионы и прочее, тоже, наверное, нужно. Хотя я же сам против бюрократии, за антибюрократическую программу, но это, безусловно, большой кусок бюрократии, это надо понимать и учитывать, когда готовится такая программа, но вряд ли без нее можно обойтись. Я нарочно такой более или менее спорный вопрос вбрасываю. Вы согласны с этим, что нужны такие программы?

МАУ В.А.

Вы знаете, здесь ответ простой: если это хорошие программы, то нужны, а если плохие, то нет. Но это никак не дает ответ на вопрос, который мы

сейчас обсуждаем, в чем приоритеты. Да, в угольной промышленности надо решать. Можно решать путем программы, можно решать путем полного забвения. Пивная промышленность в России развилась благодаря отсутствию программы. А оборонка не смогла развиваться именно благодаря наличию. То есть это такой тактический вопрос, он никак не решает проблему стратегического приоритета, в том числе и программа автомобильной или авиационной промышленности, поскольку это тоже не прорывное направление. Да, наверное, может быть, при определенных политических обстоятельствах стоит блокироваться с «Боингом» против европейских производителей, а, может быть, с европейскими против «Боинга». Но это не решает проблему технологического прорыва. Этот вопрос в другой плоскости.

КАТАЕВ Д.И.

И связанный с этим вопрос. Допустим, если я вас правильно понял, то решать вопрос программ промышленных или тому подобных отраслевых, условно говоря, надо не в лоб, а через антибюрократическую программу в некотором смысле. То есть если эта программа промышленная имеет шанс быть хорошей, то над ней надо работать. Так или нет?

МАУ В.А.

Наверное. Но, повторяю, это не предмет сегодняшней дискуссии. Мы выходим за рамки тех программ, которые может написать или не написать власть.

КАТАЕВ Д.И.

Тогда все-таки хотелось бы в завершение моих вопросов более четко обозначить предмет сегодняшней дискуссии.

ГАЙДАР Е.Т.

Давайте я попробую. Мы входим в мир, в котором ключевые задачи перехода к рыночной экономике и формирования рыночных институтов в какой-то степени решены. Это ставит на повестку дня вопрос о стратегических приоритетах. Мы из мира, где ключевыми задачами были задачи перехода, то

есть формирования набора институтов рыночного развития и политического развития, входим в мир, где они хуже-лучше у нас в России функционируют. Мы далеко отстали, естественно, от ведущих государств мира. Этот разрыв осознан обществом как серьезная проблема. И хотелось бы поставить задачи, связанные с сокращением этого разрыва. И я вас уверяю: вне зависимости от того, что мы решим сегодня на семинаре, это все в большей и большей степени будет ощущаться как важная политическая проблема в нашей стране.

В этой связи первое, что приходит в голову всегда, когда ты начинаешь думать о проблемах преодоления разрыва, это та стратегия преодоления разрыва, которая использовалась в XIX-XX веке. То есть это та или иная модель, которую Владимир Александрович назвал догоняющим развитием. Это хорошо описано, очень хорошо проанализировано, очень интересно, из чего постоянно будут возникать идеи того, как мы должны решать эти задачи. Мы однако живем в существенно ином мире, как мне кажется. Существенно ином по набору структурных характеристик, если мы говорим о структуре занятости, структуре ВВП. Существенно отличном от того, в котором решались задачи догоняющего развития в XIX-XX веке. Если мы пытаемся так или иначе обсуждать ставить вопросы, решать вопросы формирования стратегии в этом мире, мы должны понимать, как устроен этот мир, и решимы ли вообще, и на основе каких инструментов решимы задачи догоняющего развития в этом мире.

Вот тот набор вопросов, который бы сегодня хотелось обсуждать. Причем, надо понять, что в отличие от экономической динамики индустриализации, которая была довольно прилично известна и хорошо проанализирована к тому времени, когда стали всерьез обсуждаться вопросы догоняющего развития, собственно, сама динамика постиндустриализма, если мы принимаем этот термин, она, к сожалению, пока и изучена, и описана очень плохо. В этой связи перед нами нет хорошо понятной нам картины постиндустриального мира и постиндустриального развития, на которую

дальше мы просто должны наложить проблемы догоняющей постиндустриализации. К сожалению, эти две задачи приходится решать одновременно.

Спасибо. Кто хочет высказаться?

ДЫНКИН А.А.

У меня несколько несобранных мыслей по поводу того, что Владимир Александрович рассказывал.

По структуре нашей экономики мы уже постиндустриальны, потому что соотношение у нас в экономике между сферой услуг и материальным производством такое же, как в Западной Европе. И эта структурная перестройка произошла на таких отрицательных скоростях, когда падало одно и росло другое. То есть здесь мы как бы уже ничем не отличаемся.

Второе, что я хотел бы сказать, что, конечно, эта задача амбициозна и то, где мы находимся, это не результат 90-х годов, а, я бы сказал, что такой тренд экспортно ориентированного развития энерго-сырьевого у нас сложился в 70-е годы. И что в 70 году, что в конце 90-х мы поставляли, я подчеркиваю, на свободные рынки высоких технологий в мире те же самые 0,3 процента. Здесь никакой драмы не произошло, я не беру несвободные рынки, типа (название фирм неразборчиво).

Вот относительно промышленной политики. Я абсолютно разделяю точку зрения Владимира Александровича о такой лобовой политике, типа деньги давай сюда. Я очень много участвую, к сожалению, тоже во всяких комиссиях, которые пытаются определить наши приоритеты. Недавно был такой чудесный приоритет, который пытались сделать национальным, это технология повышенного извлечения платины из руды, более высоко обогащенного, который пытались вывести на национальный. Я говорю: если вы при платине состоите и вы не можете инвестировать сюда, то мне вас жаль.

Я совершенно не возражаю против политики национальной конкурентоспособности, которая, на мой взгляд, гораздо точнее, чем

промышленная политика, потому что здесь цель велифицируема. Вы говорите о конкурентоспособности, ставите сроки. Сегодня Буш сказал своим ребятам: три года. Мониторинг, куда идут эти деньги, которые вы получите от этого, и потом мы будем решать, сохранять вас или нет. Это политика конкурентоспособности. В ней есть определенная логика. Она как бы начинается с точек роста, с пластеров технологии, потом она переходит к выращиванию национальных чемпионов, я подчеркиваю, компаний, а не секторов промышленности, именно компаний, и заключается, заканчивается созданием такой институциональной среды однозначной, которую дают институциональные сигналы позитивности вложения всех видов ресурсов, денег, времени, образования в сектора, связанные с высокими технологиями.

Приоритеты в мире, в общем-то, одни и те же у всех развитых стран. На первом месте это информационные и телекоммуникационные технологии, биотехнологии, это новые материалы. В последнее время очевидные приоритеты системы безопасности. В любом смысле – личной безопасности, транспорта, производства, охранения информации. Сегодня, если бы я работал на западных фондовых рынках, я бы вкладывал в компании, которые занимаются выпуском экологически чистого оборудования. Сегодня сложился очевидный приоритет, и он долгосрочен в связи с всеми теми климатическими делами, которые происходят.

Вот проблема Японии, мы тут ее коснулись. На мой взгляд, проблема Японии в том, что она не может выскочить из индустриального типа развития в постиндустриальный именно из-за ригидности, из-за жесткости своих институтов. Институциональная система Японии не позволяет совершить этот скачок.

На мой взгляд, 90-е годы дали все-таки примеры такого постиндустриального развития. Это прежде всего Ирландия, это Финляндия, очевидно, и это Эстония сегодня, поверьте, через 3-4 года мы все в этом убедимся. Я недавно общался с министром науки, технологий Финляндии, он

мне сказал, что как хорошо, что у вас вся эта беда случилась в 1991 году. Если бы она у вас случилась сегодня, мы бы уже не успели. Потому что мы успели вскочить на хвост этих информационных технологий через норки, через всяческие ее стимулирования. То есть это очевидный национальный чемпион был в Финляндии выбран, все, что можно было, туда было сконцентрировано. Эстония сейчас тоже выдвинула такой тезис, что наукоемкая информационная Эстония, в правительстве уже безбумажный оборот информации, все только в компьютерах. Они если чего решат – выбьют обязательно.

По поводу наших проблем. Недавно в Академии наук я сформулировал такой парадоксальный тезис. Там один академик спросил: что было самым выдающимся изобретением XX века? XX век, как вы знаете, дал широкий спектр: от авиации до компьютеров. Моя точка зрения как экономиста была, может быть, гипертрофированная, я сказал, что главное изобретение – это формирование национальной инновационной системы, это главное открытие, которое дает ту или иную инновацию, которая отвечает спросу, отвечает потребностям рынка. Это главное достижение XX века. И никто со мной не стал спорить, хотя каждый считал, что самолет лучше ракеты, и наоборот.

Про наши инновационные системы. Мы все еще бьемся в парадигме выбора оптимальных приоритетов, которые по технологии вяло выбираются, и этой связи науки и производства, или то, что раньше называлось внедрением. Почему мы здесь бьемся? Ответ очень простой: потому что у нас отсутствует ключевое звено национальной инновационной системы. Это крупная наукоемкая корпорация, которая берет на себя основной риск, основное финансирование создания новых изделий. Весь малый бизнес при всей его значимости - все это шлейф, это вспомогательные вещи. Кроме того, у нас господствует линейное модельное ведение, фундаментальная, прикладная, разработки. Это уже не работает нигде в мире. Везде работают или нелинейные модели или системные интегрированные модели. Это специальная вещь, я не хочу об этом говорить. Но в рамках этих моделей потребность,

рынок являются таким же полноценным источником инноваций, как и технологические возможности. Не обязательно проходить весь цикл, чтобы создать хорошую инновацию. А вот институты должны работать так, чтобы из гаража можно было сделать эпл, или чтобы недоучка стал белым индейцем (?). понимаете, это институты, они провоцируют это дело. Скажем, в том же Китае, у них уже шесть лет НДС на компании в информационных технологиях работает, шесть процентов при 18 среднем НДС, в Китае. Эта система институциональных стимулов.

И по поводу авиации и всего этого. Понимаете, у нас авиация стонет, но мое глубокое убеждение, что за нынешнюю ситуацию в авиационной промышленности ответственны генеральные конструктора, которые категорически не хотели ни на какую реструктуризацию, ни на какое объединение. У нас 11 авиадвигательных компаний. В мире четыре осталось. У нас 11! Знаете, у них у всех загрузка меньше 10 процентов. И выскочить из этого мы не можем, потому что нет либо решительной политики государства, либо они уже что-то там приватизировали, открыли консигнационные склады и неплохо себя чувствуют. И другой пример – ракетно-космическая промышленность, которая не стонет, она пошла по пути кооперации. Очевидно. И там стоны гораздо меньше, чем в авиации. Хотя по технологическому возрасту, по всем структурным вещам они весьма похожи.

МОСТОВОЙ П.П.

Я не случайно задал вопрос о постиндустриальном и существует такое или нет. И попытаюсь сейчас дать другой ответ, нежели Владимир Александрович, по поводу того, какие признаки отличают индустриальное от постиндустриального, потому что, мне кажется, этот ответ нас куда-то продвинет.

Мне кажется, что осмысленно говорить, что переход от индустриального типа развития к постиндустриальному означает существенные изменения пропорций между производственным и непроизводственным потреблением, с

существенным увеличением доли непроизводственного потребления, и соответственно, диверсификация товаров и услуг, которая является содержанием этого потребления, это просто внешний признак, да? Если на то же самое явление посмотреть под другим углом зрения, то это означает, что вторая производная становится существенно меньше. Потому что производство сверхпроизводства значительно меньше, чем производство предметов потребления. И думаю, что это и можно рассматривать как дискриминационный признак между индустриальным и постиндустриальным типами развития, из чего вытекает, что не наша задача догоняющего развития, у нас есть задача тормозящего развития. Если ставить как критерий соотношение ВВП на душу населения, то это, конечно, можно рассматривать как догоняющее. Но тормозящее развитие, на мой взгляд, в том смысле, что нам нужно понять, как перестать производить лишние продукты традиционного назначения, индустриального назначения без вреда для доходов населения. Я думаю, что это главная задача, которую нам нужно решить, то есть каким образом редуцировать сегодняшний индустриальный сектор в нашей экономике при одновременной достаточно безболезненной возможности перетекания рабочих мест в неиндустриальный сектор экономики. Это первый тезис. Но что из этого вытекает? Из этого вытекает следующее. От специфически вещественных или предметно специфических ресурсов современная экономика зависит все меньше и меньше. Но от трех универсальных ресурсов она зависит все больше, и больше: от энергии, от информации и от денег. И в каком-то смысле это один и тот же ресурс в трех своих ипостасях. И мне представляется, что это дает нам некоторые ориентиры (в сочетании с первым тезисом), дает нам некоторые ориентиры по поводу того, что осмысленно делать. Мне представляется, что из первого тезиса вытекает следующее. Из первого тезиса вытекает, в частности, непрерывно увеличивающееся разнообразие товаров и услуг, которые обращаются на потребительском рынке. Это как бы экономика становится

маркетинго зависимой. То есть поскольку известно, что товары на рынке не появляются сами собой, их изобретают вместе с соответствующей потребностью. Ее не было, но появление того или иного товара стимулирует развитие соответствующих потребностей. Соответственно очевидно, нам нужно этим заняться. То есть нужно заниматься активизацией и диверсификацией нашего рынка, в обоих смыслах этого слова. То есть как со стороны увеличения разновидности новых товаров, появляющихся на нем, так и соответствующих потребностей, которые будут появляться у потребителей.

Из второго вытекает, в частности, то, что пока основным долгосрочным трендом, который все-таки существует и целям создания нового типа долгосрочной определенности в постиндустриальном обществе является проблема удовлетворения непрерывно возрастающей потребности в энергии. Соответственно, работать над новыми источниками энергии, не зависящими от традиционного углеводородного сырья и разных других вещей. И одновременно работать над такими технологиями, которые позволяют уменьшать потребление энергии на единицу товара, который появляется на рынке. Конечного товара, который тянет за собой все остальное. Я думаю, что это два основных тренда, которые совершенно очевидно вытекают из той ситуации, которую мы сейчас видим. Про информационные технологии можно говорить то же самое.

Не лишним было бы сказать о нашей финансовой инфраструктуре, то есть об институтах финансового рынка и о правилах, по которым эти институты действуют. Это у нас один из наиболее отстающих секторов, потому что он тормозит наше участие в мировых финансовых рынках и сокращает приток ресурсов на внутренних. По части информационных технологий мы на самом деле давно уже заняли лидирующее положение в мире. Известно, что более 60 процентов всего состава, который появляется на рынке, нового состава, он разрабатывается в России. Продается он не через Россию по причинам другим, но производится он в России. В этом смысле у

нас бэграунд необходимый для этого есть. Можно это и не обсуждать, поскольку без всякой государственной поддержки, без каких-либо институциональных программ он все равно развивается.

ЯСИН Е.Г.

Это чем-то подтверждается?

МОСТОВОЙ П.П.

Это подтверждается.

Что касается остальных ориентиров, то я думаю, что как задача – это диверсификация потребительского рынка, что невозможно без улучшения инфраструктуры этого рынка, которая сегодня тоже оставляет желать много лучшего. Это новые источники энергии и энергосбережения в широком смысле этого слова, начиная от повседневной жизни и кончая всеми индустриальными технологиями, которые у нас применяются, и инфраструктура финансового рынка. Но тем не менее одна проблема, которая под всем этим стоит, это безболезненное высвобождение людей индустриального сектора, для чего должны возникнуть предпосылки путем экономизации индустриального сектора, и вывод их в другие сферы деятельности.

КАТАЕВ Д.И.

Уважаемые коллеги!

Я не совсем согласен с тем, с чего начал Егор Тимурович. То есть факт, что колоссальные изменения произошли, что институты новые возникли, а другие, кстати, отмерли, в этом революция и состояла предыдущего десятилетия или пяти лет, первых пяти лет этого десятилетия. Но мне кажется, что этот процесс еще весьма далек не то, что от завершения, он никогда не завершается, но хотя бы от выхода на некую стационарную орбиту. И в этом наше огромное отличие от развитого мира. В этом суть того, что наши проблемы сугубо не линейные. Любую из проблем, которые сегодня уже назывались, в Штатах или в Германии можно решать относительно

изолировано. У нас невозможно, потому что они сразу завязаны очень плотно на другие. Допустим, можно ли решать любую из этих задач, не имея приличной судебной-правовой системы? Один только пример, их можно множество приводить. В этом смысле я бы просил подчеркивать и в нашей программе, и учитывать это в наших рассуждениях, что только параллельное движение по нескольким очень разным направлениям, тут и нормальные выборы, и судебная система, и, безусловно, инфраструктура финансовая, - только параллельное движение по нескольким направлениям даст возможность продвинуться в целом. Отставание же любого из них нас сразу очень резко останавливает. Это относится ко второму эшелону, уже не политическому эшелону, к инфраструктуре, о чем сегодня уже говорилось.

И еще я хотел бы подчеркнуть одну вещь. Я слабовато знаю экономику и вообще ситуацию в развитых странах, если я не прав, пусть меня поправят, но все-таки мне кажется, что там гораздо более однородное распределение по регионам всего – продукта на душу населения, образования и прочее. У нас разница между регионами такова, что, скажем, Москва вполне может играть для России такую роль, какую, скажем, Штаты играют в мире, создавая информационные технологии, а Филиппины пусть производят рубашки по этим технологиям. Мне недавно из Штатов прислали в подарок рубашку – мейд ин Филиппины. У нас такое невозможно, и пытаться под эти стандарты подогнать нашу страну было бы просто насилием над природой. Значит, у нас надо учитывать, что одни регионы будут развиваться, скажем, Москва более или менее догоняющая по отношению к Соединенным Штатам, а другие-то еще пусть Москву догоняют ой-ой-ой сколько! Они так и останутся сырьевыми. И этот их комплекс неполноценности надо преодолевать, может быть, совсем по-другому. Спасибо.

КУЗНЕЦОВ Ю.В.

То, что сегодня в разговоре часто звучит вопрос – индустриальный, постиндустриальный, новые технологические разрывы, я считаю, что это

достаточно бессмысленные разговоры хотя бы потому, что в истории многие крупные бумы экономические, вызванные кредитной экспансией, сопровождались разговорами о новой экономике, о технологических прорывах и прочим. Начиная от бума 20-х годов США, бума строительства аргентинских железных домов в конце XIX века и так далее. Эти уроки должны были бы нас научить кое-чему. В частности, тому, что экономические законы не зависят от технологических структур и прочего такого.

Переходя к позитиву. Экономический рост есть следствие того, что люди что-то производят и добровольно обмениваются произведенной продукцией. Естественно, я исключаю криминальную деятельность. Чтобы экономический рост в стране стимулировался, чтобы страна развивалась быстрее, надо, чтобы эти обмены встречали как можно меньше препятствий. Препятствиями к такого рода добровольным обменам и к производственной деятельности являются государственное регулирование и налогообложение. Поэтому если мы говорим о стратегии, о том, что хорошо для нашей страны в долгосрочной перспективе, мы должны свести к минимуму (мы – я имею в виду политические силы определенные и государство) влияние вмешательства государства в экономические процессы. То есть, грубо говоря, кроме гражданского и уголовного права никаких других законов здесь быть не должно. Соответственно, должны быть отменены поэтапно регулятивы, особенно регулировано связанные с естественными монополиями, так называемыми, соответствующие материалы я распечатал, свои публикации, я их вам передам, Егор Тимурович. Это первое. Максимальная ликвидация изгнания государства из экономики есть условие обгоняющего или какого угодно, перегоняющего роста. Между прочим, если сравнивать США в XIX веке и Англию, и в начале XX века, очевидный пример, кто кого обогнал, а дальше можно сравнить степень экономической свободы в той и другой стране. Но, я повторяю, такие исторические примеры ничего не доказывают и

не могут доказать. Экономика – наука дедуктивная. Соответственно, надо рассуждать умом.

Следующее. Экономический рост всегда обусловлен накоплением капитала, то есть тем, что люди отказываются от текущего потребления, направляют эти ресурсы на закупку, на производство средств производства, чтобы потом потребление выросло за счет повышения производительности труда. Это аксиома экономической науки. Что мешает накоплению капитала в нашей стране? Первое, о чем я уже сказал, регулирование и налогообложение, скажем, государственной структуры. Второе – это очень высокий уровень временных предпочтений. Наши люди не хотят думать о будущем. Наши люди убеждены, что лучший способ существования – это проесть все в настоящем. Многие социальные процессы, на которые жалуются и либералы, и государственники есть следствие этих высоких временных предпочтений. Временные предпочтения, конечно, во многом результат личного выбора, но тем не менее государственные институты здесь тоже имеют определенное влияние. В частности, институты социального государства есть прямой стимул к дезинвестированию, к замедлению и прекращению накопления капитала. Поэтому вторым приоритетом, необходимым для экономического роста и усиления нашей страны является ликвидация институтов социального государства, в частности, пенсионной системы, поэтапной, конечно, ликвидации. Человек должен заботиться о своем будущем, соответственно это значит, что он будет откладывать какие-то ресурсы на потом, инвестировать их, за счет этих инвестиций будет расти общественный капитал.

И последнее, что я хотел сказать по поводу технологического развития. В любом обществе всегда существует множество технических идей, бродят. Но от существования и брожения этих идей до их внедрения большой путь. Я приведу яркий пример, который мне близок как математику и компьютерщику. Нынешняя технология Интернета придумана в 60-е годы. Это те старые наработки. Но внедрили их в массовом порядке только в 90-х годах,

когда для этого произошло достаточное накопление капитала. Я думаю, сокращение оборонных расходов здесь сыграло немалую роль. Соответственно, если предоставить людям свободу и возможность накапливать капитал, и они будут это делать, то необходимые, выгодные, в том числе в долгосрочной перспективе выгодные технологические решения будут внедряться, а ненужные отсеиваться. Бессмысленно приглашать ученых, даже всех изобретателей в одну кучу и просить их определить приоритеты. Определять приоритеты можно только на основе экономического расчета, как это, кстати, показывает история крупнейших изобретений и их внедрения, начиная от электролампочки, которая была результатом сложных технико-экономических расчетов, произведенных Эдисоном, продолжая трансформаторами и крупными электростанциями и так далее.

Завершая, подводя итог всему, что я сказал, я бы сказал так: у страны не может быть стратегии. Стратегия страны – это результат сложения индивидуальных полезностей. Экономисты знают, что это процедура невозможна, логически невозможна. Но у страны могут быть принципы, у людей, которые тут живут. Те принципы, которые будут способствовать экономическому росту, я сформулировал в своем выступлении. Спасибо.

КОСАРЕВ А.И.

Я не экономист и, может быть, в чем-то ошибусь, но нашу лабораторию военной экономики интересует вопрос перехода от экономики нынешней в постиндустриальную, потому что он связан с вопросами что защищать, чем защищать и как защищать. Из того, что мне было доступно для анализа постиндустриального общества, я могу сослаться на работу Питера Друкера, опубликованную в Нью-Йорке в 1994 году. Она называется «Посткапитализм». И в этой работе аргументировано утверждается, что основное, что происходит в экономике США, изменения, связаны с тем, что не традиционные товары и услуги становятся стержнем экономики и экономических отношений, а знания. И вот переход знаний в категорию

высшей ценности, и соответственно стремление к обладанию знаниями, регулированию знаний и так далее, если это действительно так, если и наши экономисты согласны, что в этом коренное отличие, то тогда здесь мы выходим на то, что более ранние работы Вернадского, который показал, что за счет обладания знаниями человек может оказывать на Землю как космический объект такое же воздействие, как и силы природы, сопоставимые по масштабу. Изменение климата и так далее. Соответственно, с точки зрения безопасности становится исключительно важно контролировать уровень развития знаний в собственной стране, уровень развитие знаний в странах, которые потенциально могут быть противниками и соответственно строить систему военной безопасности таким образом, чтобы возможные посягательства извне и военная опасность изнутри компенсировались за счет знаний и без потери собственных знаний.

Второй момент. У этого же Друкера я нашел, потом в других работах, что основным вопросом в этом постиндустриальном обществе будет вопрос о том, кто владеет знаниями, кто будет обладать правами собственности на эти знания для отдельных лиц, народов, государств, общественных и необщественных организаций. Наверное, это надо как-то обозначить, потому что отсюда проистекает и роль государства, и роль, в частности, ведомств в государстве, которые занимаются военной безопасностью. Согласиться с тем, что мы должны роль государства минимизировать и не указывать никакого нижнего предела при этой минимизации, представляется неправильным по опыту тех же Соединенных Штатов Америки, которые сейчас резко увеличили финансирование якобы на оборону, после событий 11 сентября, а фактически это колоссальные вложения в развитие новых знаний, технологий, инноваций. Нельзя же упускать этот опыт разительный, который у нас перед глазами, и говорить о том, что роль государства необходимо всячески понижать.

Я хотел бы еще парировать ваше замечание, что Интернет разработан по заказу разведорганов соединенных Штатов Америки, и его основное

предназначение было в разработке - –то избавиться от того, что разведчики не могут обмениваться информацией. Как в фильме ловят пианиста, который передает информацию, а здесь открываются такие возможности. Другое дело, что это ведомство, разведуправление не предвидело все последствия и более широкое использование Интернета, чем только для себя по первоначальному замыслу.

К чему я веду сейчас разговор? К тому, что мне представляется, все-таки надо в программном документе более четко определить, что же такое постиндустриальное общество. Здесь назывались три кита: энергия, информация и деньги. Не согласен с информацией категорически! Не информация, а знания, потому что информации может быть избыток, пустопорожней информации, в битах или в чем угодно вы ее будете считать. А ноу-хау при этом, оказывается, стареет. Так вот, определиться надо с этими ценностями. Во-вторых, определиться все-таки с ролью государства. Возможно, в производстве традиционных товаров, традиционных услуг его роль действительно должна быть минимальна, а, может быть, и нулевая. Но есть какие-то ключевые направления деятельности, связанные с судьбой самого государства, в которых его роль может быть даже должна возрастать. И тогда, если эти категории, эти понятия будут четко определены, я уже сейчас эгоистически говорю, нам проще будет написать наш раздел по вооружению.

ДЫНКИН А.А.

Одну справку по вашему выступлению. В прошлом году американский научный бюджет составлял 286 миллиардов долларов, годовой бюджет. Я полагаю, вы представляете размер нашего консолидированного бюджета, в рамках которого наш научный бюджет, при всех пересчетах, едва достигает полутора миллиардов долларов. Соотнесите эти две цифры.

ШАДРИН.

Понятие постиндустриального общества с точки зрения экономических подходов, мне кажется, интересный подход организации экономического

сотрудничества и развития и Всемирного банка. Последний доклад они сделали по Южной Корее. Очень интересный переход по этой теме. Они выделили четыре основных направления. Первое направление порядка интенсификации экономики. Здесь те вещи, которые подразумевают регулирование, преодоление административных барьеров, большую интеграцию в мировую экономику. Второе направление – это образование. Из тех принципиальных вещей, которые мне наиболее запомнились, это, во-первых, развитие системы непрерывного образования для взрослых на базе университетов, то есть переподготовка кадров, как стратегический приоритет, повышающий адаптивность и мобильность экономики. Второе менее значимо, наверное, компьютеризация образования. Третье – интенсификация международных обменов в сфере образования. Обеспечение некоего общего высокого уровня образовательной политики.

Второе направление – это наука. Тут бы я назвал из основных вещей изменение роли государства, даже на уровне метафоры, от организатора научных исследований к катализатору взаимодействия бизнеса, университетов и науки. Во-вторых, это увеличение роли государства в качестве опять же не столько организатора программ, сколько стимулирующего органа по диффузии нововведений. То есть распространение и патентной информации, консалтинга, может быть, субсидирования даже консалтинга высокотехнологического. Вот такое направление. И изменение роли университетов, тоже в разделе «наука» в большую часть проведения НИОКР на базе университетов. Известная идея. В программу заложено, что не только НИИ, но и больше вузы должны переходить на фундаментальные и прикладные исследования.

И третий кит – это развитие информационных, коммуникационных технологий, если брать даже не столько производство компьютеров и программного обеспечения, как некое технологическое направление, сколько именно развитие телекоммуникаций. И здесь я могу сказать, проводя

параллели с Россией по тем же компьютерным технологиям в плане развития высоких коммуникаций, подготовки кадров, преодоления информационного разрыва, что называется информатизация, в принципе достаточно неплохая программа «Электронная Россия», Высшая школа экономики как раз ее разрабатывала, там эти многие вещи достаточно хорошо заложены. Не буду сейчас углубляться, там много полезных вещей прописано, начиная с развития сети доступа, начиная с информатизации государства, начиная с переподготовки кадров в области высшего образования и преодоления внешних барьеров по выходу бизнеса на внешний рынок. Что у нас нет и в этой программе, и вообще, это демонополизации телекоммуникационной отрасли. Если о такой демонополизации «Газпрома», РАО «ЕЭС», МПС, «Ростелеком» по преодолению перекрестного субсидирования в телекоммуникации, это важная проблема, она существенно тормозит приток инвестиций, ограничивает существующими механизмами лицензирования.

В заключении подчеркивается необходимости комплексности этих четырех направлений, потому что понятно, что компьютеризация – это и науки, и образования. Понятно, что просто образование связано с наукой и с общими вещами интенсификации экономики. В принципе кроме этого доклада к 2000 году по Южной Корее был подготовлен доклад по Китаю, пока не опубликованный. Правительство Китая, по крайней мере, несколько месяцев назад еще не давало согласия на публикацию. Сейчас идут вялотекущие переговоры проведения такого же обзора для России. Всемирный банк, Московское представительство банка периодически общаются по этому поводу, что тоже в принципе возможно.

Что еще по России? Реформа науки опять же по сравнению с образовательной реформой, с реформой в сфере здравоохранения слабо прописана. То есть некие общие наработки есть реформирования статуса Академии наук, есть какие-то наработки на уровне идеологических принципов, даже не прописанных, увеличение доли этих фондов. Но в

принципе я бы отметил, что нам надо продумать, что делать с наукой в концептуальном плане. И последнее, что отмечают эксперты в поле прикладных вещей по нашей науке очень низкий уровень контроля за уровнем НИОКР.

ЯСИН Е.Г.

Я прежде всего хотел бы отметить, что с моей точки зрения вопрос, который мы сегодня обсуждаем, играет очень важную роль. Это концептуальный вопрос. Либеральное течение у нас в стране делает заявку на то, что они являются создателями какой-то идеологии развития, теоретического обоснования и так далее. С этой точки зрения, мне кажется, выработка некой концепции, некой теории относительно этого постиндустриального развития или как-то иначе, представляется мне чрезвычайно важной. Потому что сегодня в нашем обороте, кроме того, что придумано за рубежом, применительно к России ничего нет. Во-первых. Во-вторых, я хотел бы разделить две вещи. Первое, если продумывать этот вопрос, это определение сути современного развития вообще, не применительно к тому, Россия, не Россия, какая технология и прочее, а именно что происходит? Вот идет развитие, мы потом можем оценить, в каком месте находится Россия, если мы имеем эту более общую, более широкую картину. И здесь, безусловно, произошли очень серьезные изменения, и пока они проходили, мы в это время переживали период трансформации и были полностью погружены в наши собственные проблемы, и не очень следили за тем, что происходит. Поэтому такое мимоходное отношение к тому, что такое современные телекоммуникации или Интернет, мне кажется, совершенно недопустимы, потому что вся цивилизационная парадигма меняется от этого. Я просто смотрю на свою внучку и понимаю, что она просто совершенно другой человек. Она не читает книжки, она не отрывается от Интернета, и там гораздо больше находит информации, знаний, чем мы. Тут какие-то очень радикальные перемены, мы должны это оценить.

И вторая составляющая – это стратегия развития именно в России, именно если возможно преодоление отставания. Как раз мне кажется, что здесь мы могли бы приобрести какой-то капитал, если бы мы сказали: да, догоняющее индустриальное развитие закончилось. То есть модели, мы видим на примере Японии, Кореи или еще кого-то, что эти сковывающие неформальные структуры в этих странах кладут предел, дальше нужно искать какой-то новый поворот и, может быть, это постиндустриальное развитие, я не знаю. Мне кажется, что это лучше не называть антикоммунистическим движением, называть тем, что выражает его собственную суть, а не то, после чего это происходит. И в этом смысле, может быть, информационное общество или инновационное общество, какое-то название, просто мы должны предложить его ввести в оборот, чтобы оно у нас уже дальше применялось. И естественно, проанализировать те свойства, которые для него характерны. Причем, что важно, мы должны понимать, что мы-то сами еще в этом обществе не находимся, что здесь как раз просто так сказать, что все вопросы, которые связаны были с индустриальным развитием, у нас разрешены, и что у нас больше никаких резервов на этом пути нет, это было бы преувеличением. Потому что на самом деле есть как факт то, что мы переиндустриализовались в свое время, используя индустриальную модель, которая была до японской и до корейской и до всех остальных. И на этом деле проели в значительной степени наши национальные ресурсы. Нищие знают то обстоятельство, что мы должны смотреть: либо мы будем осуществлять прорыв вперед Соединенных Штатов, что на самом деле, вы сами понимаете, довольно маловероятно, по крайней мере в ближайшее время, и даже не в очень ближайшее, либо мы будем придерживаться тактики занятия ниш в тех сферах, где мы можем. Например, что мы будем делать с производством тяжелых станков, которые у нас охотно покупают во всех развивающихся странах? Или, скажем, энергетического оборудования и так далее? Это такой вопрос, что да, нам нужно в этой сфере еще добраться до тех стандартов, на основе которых работают немцы, японцы

или американцы. Но у нас тут есть какой-то задел, мы можем прорваться. Вот по соотношению цена – качество нишу какую-то занять. И поэтому просто отрицание, что мы полностью перекаптовались в новые условия, уже ничего не хотим знать из того, что было раньше, мы, наверное, не можем. Но тем не менее факт остается фактом, что какая-то стратегия долгосрочная, которая могла бы выразить наши возможности и наши приоритеты, она, конечно, необходима. Я глубоко убежден в том, что это как раз то, что сейчас еще называют новой экономикой, и где у нас какие-то шансы есть. Образование, наука и инновации. Я согласен с Александром Александровичем, что наше слабое место – это отсутствие крупной наукоемкой корпорации. Но это просто потому, что в те отрасли, где есть эта самая наука и наукоемкая продукция, еще не пришел капитал. Мы пока капитал держим в добывающих отраслях, где спрос на эти вещи довольно ограничен. И этот переход не осуществился. Когда он осуществится, я не знаю. Но я бы обратил внимание на то, что у нас такая же слабая позиция и в малом бизнесе, в инновационном бизнесе. Потому что если вы хотите получить какие-то критерии, по которым можно было бы что-то отбирать, выбирать своих чемпионов и так далее, так на что нужно обращать внимание – на всякого рода историю успеха? А они обнаруживаются по двум основным критериям: это те, кто пробилась на мировой рынок и там смогли занять какие-то позиции, то есть что мы экспортируем, причем, конечно, мне кажется то, что является плодом рук и головы, а не только выкачивается из недр. Где у нас такие истории успеха? И второй критерий – это те, кто вылутился, грубо говоря, из малого бизнеса. Я проводил семинар, привел туда Андрея Краснощекова, семинар был на подобную тему, пригласил, потому что он создал фирму химическую, которая занимается, казалось бы, такой чепуховой вещью, как всякого рода бытовая химия. Эти предметы бытовой химии, которые сделаны с привлечением большой науки на самом деле, с охотой покупают и немцы, и французы, и американцы – кто угодно. Просто эта фирма не раскручена, у нее нет капитала, она не может

встать на ноги, ее держат на территории института, где стоит охрана, где обеспечивается безопасность от бандитов. Она не может развить себя. Но даже то, что в области бытовой химии, где мы, казалось бы, безнадежно всем во всем проигрываем, они добились большого успеха, имея продукты лучше, чем те, которые сегодня предлагаются на рынке западными корпорациями. Поэтому следить за такими вещами, мне кажется, нужно.

Какая роль государства? Это, пожалуй, самый сложный вопрос, и я сказал бы так: спасибо Владимиру Александровичу, он был очень честен и последователен. Он поставил проблему и сказал: я пока не имею на нее ответа. И мы должны понять, что это вопрос, проработка этой проблемы является для всех нас очень важной задачей. И в этой связи я думаю, что мы должны сказать так, что эта самая ноучбейс эканоми – это общество свободы, творческой личности. Если вы будете стеснять творческую личность, если вы будете что-то стараться сконцентрировать, задушить для того, чтобы таким образом добиться какого-то прорыва, то вы губите основу, на которой это все можно вырастить. Мы как раз можем свои либеральные ценности поднять. Я вспоминаю ваш марксистский тезис о том, что раньше была правильная политика, которую предлагали большевики – индустриализация, а теперь правильна другая – либеральная политика деиндустриализации. Я перегибаю палку, конечно. Но мне кажется, акцент в этом вопросе мы должны делать. Свобода, это первое, это то, чтобы создать свободную личность, которая свободна творить. Это есть главный ресурс. Поэтому либеральная парадигма. А дальше в этих пределах мы можем выбирать какую-то политику. Из бюджета вместо того, чтобы давать деньги на таможенную службу, они теперь требуют дополнительных расходов на администрирование, давать деньги на науку, на образование, на малый бизнес или еще на что-то.

МОСТОВОЙ П.П.

Я с большой радостью хотел бы зацепиться за последний тезис Евгения Григорьевича, поскольку сам собирался примерно это же сказать. Есть такая,

уже много десятилетий существующая дисциплина, как сайс оф сайс. И там получено уже довольно давно несколько фундаментальных результатов, которые мы обязательно должны учитывать. Учитывая при этом одновременно, что сфера производства знаний к науке не сводится, что есть еще производство так называемого специфического знания, а наука производит неспецифическое знание. Но тем не менее наука является очень важным элементом любой экономики, в которой знания начинают играть определяющую роль, потому что, во-первых, только в ее рамках порождается новое неспецифическое знание, и она является, кроме того, кодификатором или упорядочивает по отношению к специфическому знанию. И прозвучавший некоторое время тому назад тезис о необходимости контролировать уровень знаний потенциального противника – это тезис, которого Советский Союз придерживался неукоснительно на протяжении всего времени своего существования, что и посадило нас в конечном счете в глубокую яму в области развития жизненно важных научных отраслей. Потому что две вещи, которые абсолютно противопоказаны, это доказано и теоретически, и эмпирически, это ограничение распространения неспецифического знания, оно должно циркулировать совершенно свободно, и в этом смысле никакие отрасли фундаментальных исследований и очень многие отрасли прикладных исследований не могут быть предметом государственной тайны, даже несмотря на всю их важность для обороны, это очень важный момент. То есть как только мы начинаем ограничивать распространение такого рода знания, развитие, продуцирование знаний в этой отрасли немедленно прекращается. То есть быстро прекращается. Сразу тормозится и быстро прекращается. И в этом смысле либерализация оборота знания – это важный принцип, без последовательного проведения которого ни мы, никакая другая страна, претендующая на то, что она живет в такой экономике, она продвигаться дальше не может.

И второй тезис относится к роли государства как организатора производства знаний. Отрадно было слышать, что в этом отчете или докладе тезис о необходимости прекращения роли государства или существенного сокращения роли государства как организатора производства знаний был сформулирован, потому что этому тезису как теоретическому результату более 30 лет, объективной необходимостью для экономики стал только сейчас.

Государство, вероятно, может только формулировать потребность. То есть служить той точкой в системе общественных институтов, которая формулирует потребности, носящие универсальный характер. В этом смысле формирование приоритетов, каких-либо государственных приоритетов в области науки должно свестись именно к этому. Выявить те потребности, которые являются ключевыми, и сформулировать их, в том числе в отдельных случаях в форме заказов. Но не более того. Что же касается каких-то регулирующих воздействий на те институты, которые должны заниматься продуцированием знаний, то она должна быть максимально сокращена и ограничиваться только сферой производства специфического знания.

Я прошу прощения, что я употребил эти термины сразу, без объяснения. Специфические знания – это знания-факт. То есть знания о том, что такая-то ракетная установка находится в такой-то точке территории потенциального противника – это специфическое знание. А знание того, как устроены ракеты вообще, это не специфическое знание.

КУЗНЕЦОВ Ю.В.

Когда вы говорили о либерализации оборонных знаний, имели ли вы в виду отмену или ликвидацию прав интеллектуальной собственности?

МОСТОВОЙ П.П.

Я имел в виду две вещи. Во-первых, я имел в виду сокращение различного рода ограничений циркулирования знаний типа секретность, что, видимо, невозможно без создания всеобъемлющей системы гражданско-правового регулирования оборота знаний. То есть необходимо проводить

четкое ограничение между тем знанием, у которого может быть владелец и который является товаром, и тем знанием, которое товаром не может быть ни в каком виде, у которого есть только автор. Вот четкое проведение этой границы, максимально формализованное с целью удобства употребления и не привязанное к содержательной специфике того или иного конкретного знания, это обязательно необходимо.

ДЫНКИН А.А.

Недавно в Интернете обнаружил наш журнал, который торгует через Интернет. Как вы к этому относитесь? Без всякого согласия ни с организацией, ни с авторами?

МОСТОВОЙ П.П.

Я отношусь к этому плохо, я как раз об этом и сказал только что, когда говорил о всеобъемлющей системе гражданско-правового регулирования оборота знания. Это не только система закрепления права интеллектуальной собственности, но и правоприменительные системы. То есть возможность при выявлении такого факта обнаружить лицо, несущее за это ответственность, привлечение его к ответственности в судебном порядке, взыскание с него убытков и так далее.

ЯСИН Е.Г.

Короткая реплика. Информация обладает таким свойством: она потребляется без расходования. И исчезает. Поэтому в конечном счете мы должны понять, что мы должны привыкнуть к этому и так далее. Но соблюдать эти права намного труднее, чем соблюдать права вещной собственности. Поэтому какие-то ограничения должны быть наложены. Не то что наложены. Они просто должны быть извлечены из практики, до каких пор это возможно обеспечить.

МОСТОВОЙ П.П.

Если можно, еще буквально два слова, комментарий к этому диалогу.

История развития правового регулирования интеллектуальной собственности довольно четко показывает, что практически удается регулировать вопросы, связанные с оборотом интеллектуальной собственности, в тех случаях, когда последствия применения того или иного знания имеют материально-вещественную форму, приносящую доходы. В этом смысле патентование, которое было исторически самым первым, и различного рода права промышленной собственности, так называемой, они появились исторически самыми первыми, поскольку появление на рынке некоего товара можно проконтролировать, понять из самой структуры товара, что он получен на основании этого знания, что является возможностью привлечь к ответственности того, кто не имел права использовать это знание, если это знание было закреплено за другим лицом. Следовательно, появление новых видов товаров (это я приближаюсь к вашему вопросу), которые такой фиксации традиционными способами не имеют, т.е. нельзя поймать за хвост производителя этого товара, требует либо появления новых видов фиксации, владельческих прав уже по отношению к самому товару, для того чтобы выяснить, кто его произвел и каким образом, либо (это альтернативное решение) отказ от применения права собственности к подобного рода знаниям. Это исторический выбор, которое общество должно совершить.

МАУ В.А.

Я хочу обратить внимание, что вопрос был задан другой и гораздо более глубокий на самом деле. Является ли с точки зрения догоняющего развития оптимальной стратегия соблюдения права интеллектуальной собственности, или принципиального отказа от него? Это гораздо более серьезный вопрос. Действительно, вроде бы представляется, что права интеллектуальной собственности более важны для совершения постиндустриального прорыва. Но задан вопрос, который очень справедлив: важны или нет? Это вопрос того, что мы стимулируем – производство знаний или применение знаний?

МОСТОВОЙ П.П.

Мое мнение состоит как раз в том, что важнее для ускорения движения в постиндустриальном стиле является отказ от применения права интеллектуальной собственности по возможно более широкому числу разновидностей знаний. Поскольку производство этого знания стимулируется совершенно в другой сфере. большей частью сам субъект, произведший это знание, тут же получил из этого то, на что он рассчитывал.

МАШИЦ В.М.

Я хотел бы начать с того вопроса, который я задал Мау В.А. по поводу оптимизации. Начну от печки. Еще Пифагор сказал, что гражданин без собственности не имеет отечества. Если мы под Россией все-таки Отечество имеем в виду, то мы должны наполнить это Отечество гражданами, имеющими собственность. Если мы эту задачу не решаем, то любой разговор про стратегию в этой стране я думаю, почти не имеет смысла по той простой причине, которую тоже в свое время отметил Пифагор, только в другой фразе: «Отечество там, где добрые нравы». И народ начинает заниматься эмиграцией, чем он успешно занимается как только чуть-чуть потеплело. Вообще, сегодняшняя демографическая ситуация, не постесняюсь присутствия Вишневого говорить, заключается в том, что население во многом ведет себя как эмигранты. Только одна часть как эмигранты внешние, а другая часть как внутренние. Как себя наше население ведет? Самые умные уезжают, в основном, мужчины, то, что называется утечкой мозгов, а самые красивые женщины тоже уезжают, только по другим причинам. Объем понятия очень большой, существенный. А оставшаяся часть во многом живет во внутренней эмиграции, которая проявляется тоже в двух причинах. Мужчины, в основном, отказываются жить, что уже зафиксировано в катастрофическом падении продолжительности жизни. По разному не хотят жить: уходят в иллюзии, наркотики, алкоголизм, что хотите. А женщины, более устойчивые по предыдущим признакам, они отказываются рожать. И сейчас страна уже

выходит на ниже некуда показатели по воспроизводству. Перепись будет, надо будет все это просчитать окончательно, но у меня такое ощущение, что таких низких показателей уже очень давно не было, и это ответ населения на то, что происходит в XX веке. Это уже как бы закрепляется из поколения в поколение. Поэтому вопрос можно сформулировать так. Как для нашего населения сформулировать некую стратегию будущей жизни, чтобы оно частично не разбежалось и частично не вымерло? Чтобы здесь что-то осталось, на этой территории, потому что пока все-таки территория большая, и, пожалуй, одно из немногих, что у нас имеется в виде реального конкурентного преимущества, которое можно сравнивать, это все-таки наши размеры. Все остальное более сомнительно. Это так выглядит стратегия позиции населения. Так выглядит стратегия позиции природы. В принципе осознание тоже достаточно серьезное и концепция устойчивого развития, наверное, со времен «Фаректора», римского клуба идет осознание, 30 лет над этим серьезно размышляет, и там устойчивость понимается, я так понимаю, в основном, по отношению к природным ресурсам, которые на планете есть. И здесь много всяких проблем, но принципиально для России заключается в том, что мы имеем достаточно серьезную долю мировых запасов лесной поверхности, что является легкими планеты, и если когда-то в середине следующего века все-таки торговля квотами на воздух начнется, воздух перейдет в параметр редкого ресурса, то есть некие прообразы в этой модели, это Теркский договор, который вроде бы Америка все-таки собирается присоединиться. То есть квотирование выбросов, квотирование многих параметров, которые связаны с природой.

Я не буду говорить про климатическую компоненту с потеплением. Там, видимо, циклическая компонента присутствует, и к чему это приведет – отдельный разговор.

С точки зрения общества, я думаю, что вопрос окончательно не решен, какая модель будет выбрана – открытого общества, либо мы будем

закрывать. Если закрываемся, тогда катастрофа полная. Если все-таки общество остается открытым, есть о чем поговорить. С точки зрения экономики, я думаю, кроме либеральной доктрины предложить на сегодняшнее время просто ничего нельзя, хотя бы по одному принципу, что чем интеллектуальнее экономика, тем больше роль и знание творчества, а творчество цветет только там, где есть свободы. Там, где свобод нет, творчество вырождается в другую форму. Либо чахнет, либо как во все времена в России, это была литература, еще что-то такое, а отнюдь не прикладная деятельность.

С точки зрения техники, технологий. Мне кажется, что критерием (в ответ на то, что Петя Мостовой сейчас говорил), все-таки постиндустриальное, мне кажется, есть экономика. Я бы не ставил под сомнение, что есть некая современная экономика, которая отличается от индустриальной. И один простой такой критерий достаточно очевиден. Аграрная экономика – это экономика вокруг сельхозгода, и времена этой экономики – календарный год. Отсюда бюджетное планирование всю жизнь шло и так далее. Индустриальная экономика – это экономика, преодолевающая сезонность. Она создает некоторую плавность внутри этого года. А вот современная экономика – это уже экономика он лайн. Здесь уже как бы каждая секунда важна, здесь как бы кто не спрятался – я не виноват, кто не успел – тот проиграл, время – деньги и все эти прочие формулы, они наиболее концентрированно стали выступать. Поэтому проблема России заключается в том, что в техноинфраструктурном мы настолько отстали, что до экономики он лайн нам еще настолько далеко, что мы мило можем находиться в рамках индустриальных методов догоняния по этому вопросу. Но мало этого или много этого? Не знаю. Какую-то часть занятости мы на этом деле получим.

Теперь по поводу институтов. Институты ведь тоже развивались достаточно просто на самом деле. Если на них посмотреть, институты развивались как механизм преодоления транспортных издержек. Каждый

раз транспортные издержки выплескивались, каждый раз нужно было придумывать институт, который позволял бы эти транспортные издержки преодолевать. Так появлялись парламенты, банки, биржи, страховки и все прочее. Егор Тимурович сказал, что у нас уже эти институты сформированы. Я думаю, что сформирован каркас. А развиваться этим институтам, я думаю, еще долго, потому что ни банковская система серьезной, ни страховой системы серьезной, ни информационных систем серьезных пока мы не видим, и я не знаю, когда это будет.

Что еще хотелось бы сказать в связи с этим? Конечно, ориентироваться на это догоняние: догоняй – все равно не догоним, наверное, все-таки не надо. Я думаю, что мы должны, конечно, искать не то, что, как говорят, свой путь, а мы должны искать те места, в которых наше население, наш народ найдет для себя устойчивый источник дохода. Потому что сейчас, конечно, ситуация такова, что народ унижен, он до неприличия стал беден в своей широкой массе, которая становится социально опасной, потому что здесь, наверное, наше общество для чисто методологических целей полезно разбить на две группы: на молодежь и всех остальных. Вот молодежь и вложения в молодежь – это будущее, и здесь понятно, что лет через 40 они тоже станут стариками, и тогда уже будет понятно, где мы находимся. Но эта задача богадельни все равно остается. Мы же не можем процентов 30-40 населения оставить без куска хлеба, несмотря на то (фраза не закончена).

ЯСИН Е.Г.

Ни отнимают у нас, да?

МАШИЦ В.М.

Они ничего не отнимают, они просто уже не способны вписать ни в компьютеры, никуда.

РЕПЛИКА

Разрешить эфтаназию.

МАШИЦ В.М.

Я бы не переходил на изуверскую терминологию, это просто самостоятельный вопрос. Потому что, как в свое время кто-то сказал, что новые идеи – это отнюдь не признание этих идей, это вымирание тех, кто их не признает. Происходит некий стабильный и объективный процесс вымирания людей, поколения за поколением, в затылок, в котором все, что происходит не нравится и, видимо, никогда не понравится. И подрастание следующих поколений, которые это воспринимают уже с молоком матери, живут с этими компьютерами и прочими делами совершенно спокойно.

И теперь по поводу роли ВПК, хайтехов, вокруг этого. Вы знаете, с одной стороны, конечно, когда я сейчас читаю и слушаю по радио, по телевизору про 85-миллиардный прирост военного бюджета в течение года. У нас там сколько? Весь госбюджет, наверное, миллиардов 40 будет на этот год.

ГАЙДАР Е.Т.

Это все устарело. Уже сейчас 60 с лишним, если говорить не обо всем, а только о федеральном. Если взять бюджет расширенного Правительства, то он за 120.

МАШИЦ В.М.

Вот американцы только военную статью увеличили больше, чем на федеральный бюджет России. Поэтому масштабы настолько теперь несопоставимы.

ЯСИН Е.Г.

Это на самом деле как считать. Это же вопрос курса. Это 120, если вы считаете по рыночному курсу.

МАШИЦ В.М.

Вопрос курса – вопрос достаточно объективный. Я категорический противник считать, что у нас курс искусственный. Он тот, какой есть. По паритету будет чуть-чуть лучше картина, но не настолько, чтобы было, о чем говорить. У последователей либеральной точки зрения еще хуже. Поэтому

рассуждать сегодня о военно-промышленном комплексе так, как рассуждал товарищ Сталин, я не знаю, потому что, если мне память не изменяет, доля США в ВВП всего мира устойчивая одна треть на протяжении ближайшей перспективы. Устойчивая одна треть в том смысле, сколько они контролируют. Я сейчас не про статистику. Я про то, что наши полпроцента на ближайшее время нам обеспечены, потому что серьезного экономического роста, о котором можно было бы сказать, что полпроцента сегодняшнего перейдет в два завтрашних, я пока не наблюдаю.

И последнее по поводу того, что я хотел сказать. Здесь мы с вами должны еще одну вещь посмотреть. Есть ли в нашей системе та гуманистическая составляющая, которая позволяет эту стратегию выстроить, либо ее нет? Если она есть, тогда можно проверять и либералов, и не либералов – кого угодно. А если ее нет, то я думаю, что очень мило скоро население начнет отвечать на все это уже более адекватно.

ГАЙДАР Е.Т.

Я призываю не пугать самих себя цифрами по ВВП и доле в мировом ВВП. Я напому, что доля Англии в мировом ВВП в начале ХУШ века была примерно такая же, как доля России в ВВП сегодняшняя. А доля Китая неизмеримо больше. Можно дискутировать вопрос о том, как соотносились ВВП в Китае и в Англии, но то, что абсолютный объем ВВП был совершенно несопоставимый, это очевидно. Так что здесь все на самом деле действительно принципиальный и важный один вопрос – это вопрос адаптивности и способности меняться в меняющемся мире.

ВИШНЕВСКИЙ А.Г.

После этого выступления, возможно, от меня ждут каких-то комментариев по поводу демографии, но я уклонюсь от этого. Я хочу по поводу общей дискуссии.

Прежде всего я хочу высказать соображения по поводу первого вопроса Петра Петровича кого мы догоняем и можно ли в этом смысле говорить о

догоняющем развитии. Мне кажется, что не обязательно, чтобы они двигались для того, чтобы мы их догоняли. Потому что представьте себе группу бегунов, которые бегут на определенную дистанцию. Вот старт, вот они растянулись, вот кто-то первый прибыл к финишу, второй прибыл, а десятый все равно бежит, и ему надо догонять, или он сходит с дистанции. Но догонять можно даже тех, кто уже остановился и стоит на месте. Мне кажется, что хотя так называемые западные страны не одинаковые, не похожие друг на друга, то есть чем-то они похожи, чем-то не похожи, но не обязательно, чтобы одинаковое ВВП на душу населения и так далее. Но они как бы в одной кучке и там нет вопроса о том, чтобы Франция догоняла Соединенные Штаты или что-то в этом роде. А для нас этот вопрос, мне кажется, еще стоит, и в этом смысле, конечно, мы догоняющие.

Я не экономист, но мне немножко странно, что совершенно не прозвучал вопрос по поводу ресурсов в этой дискуссии, с которыми мы догоняем или должны догонять, сможем ли догнать. Ресурсы всех видов: и природные, и экологические, и инвестиционные, и человеческие и так далее. Потому что говорить о целях хорошо, цели в свое время и у нас были неплохо сформулированы, но все натолкнулось на ограниченность ресурсов. И мне кажется, это понимание тех ресурсных ограничений, с которыми мы сталкиваемся и с которыми нам придется сталкиваться, может быть, намного важнее, чем выбор каких-то конкретных направлений развития и так далее. И это же, по-моему, и вопрос о соотношении государства и не государства в экономике. Что такое государство с экономической точки зрения? Это та часть ресурсов, которые расходуются централизованно. Другая часть ресурсов, которые расходуются децентрализованно. Когда ресурсов много, можно и там, и там иметь много, а вот когда ресурсов мало, а цели большие, особенно учитывая огромную территорию, глобальные претензии и так далее. То все это, естественно, подталкивает на концентрацию очень большой доли этих больших ресурсов в руках государства, и это подрывает весь порыв

либерально мыслящих людей. Здесь есть какой-то очень серьезный вопрос, который должен быть достаточно тщательно проработать. Государство как политический орган – это ради Бога. Но если оно хочет заказывать музыку таким образом, так это способ для нищей страны. А для богатой, если у него есть ресурсы и он может оплачивать то ли науку, то ли образование, то ли военные расходы, только там его и место. А все остальное – ту ни государственное программирование не нужно, ни, мне кажется, наше. Потому что я понимаю, если бы мы были каким-то советом директоров крупной финансовой корпорации, выбирали куда направить инвестиции – на черную металлургию, на компьютеры или еще куда-то, это была бы наша задача. А задача такой общей стратегии – это, мне кажется, задача освещения той дороги или тех дорог, которые вообще существуют и по которым можно идти будет в ближайшее десятилетие, какие есть варианты движения и не более того. Представьте себе, что кто-то программировал и очень хорошо 30 лет назад. В эту программу все, что связано с компьютером, по определению не могло попасть. Потому что появились какие-то инновации, которые невозможно было предвидеть, и так есть всегда. А вот если ясна дорога, по которой можно двигаться, падая в кюветы, это гораздо важнее. Спасибо.

ГАЙДАР Е.Т.

У меня такое ощущение, что не бессмысленна была бы задача, можно поставить перед кем-то из наших молодых сотрудников, перечитать сейчас тщательно материалы комплексных программ научно-технического прогресса и посмотреть, что там получилось и что не получилось из этого.

ЯСИН Е.Г.

Я просто уже частично выполнил эту работу. Я на пал на книжку Окчишкина «Наука и экономика». Я перечитал в том числе те разделы, там табличка такая есть, где обрисовано, это был всего 1986 год, что тогда считалось очень передовым. Ничего из того, что сейчас оказалось, просто нет.

КУЗНЕЦОВ Ю.В.

Академик Глушков уже в 1985 году в своей толстой книге про информатику описал с точностью до технических деталей сетевую компьютерную структуру. Конечно, это выглядело примерно так, как Жюль Верн описывал подводную лодку.

ЯСИН Е.Г.

Я это понимаю. Когда я в этой области работал, тогда разрабатывали модели баз данных и были системы управления на основе сетевой, иерархической структуры и так далее. В зародыше уже все содержалось. Но с точки зрения технического исполнения это было совершенно несопоставимо с тем, что потом произошло. Потому что там ключевой момент был – это появление персонального компьютера и программного обеспечения к нему на совершенно новой технической основе.

МАУ В.А.

Но главное, что нельзя было, наверное, предсказать, что это станет культурным феноменом. Там же главное даже не техника.

МАШИЦ В.М.

На самом деле первый персональный компьютер был сделан как игрушка. То, что сегодня приставкой называется. Это итальянцы сделали в 1961-1962 году.

КУЗНЕЦОВ Ю.В.

Пока не нашелся капитал, причем частный капитал, который это купил и более того, вложился в крупное производство, рискнул своим частным капиталом для того, чтобы производить это в достаточно больших количествах, достаточно дешево, о чем я и пытался донести, что вопросы технологического развития не есть вопросы науки, технологии, знаний и так далее. Это вопросы капитала, наличия частного свободного капитала. Не государственного.

ГАЙДАР Е.Т.

У меня есть один вопрос ко всем присутствующим. Я много всего читал написанного про постиндустриальное развитие и до сих пор не нашел ни одной хорошей работы по этому поводу. Я один такой или есть еще?

ЯСИН Е.Г.

Это мы должны написать.

ГАЙДАР Е.Т.

Спасибо всем присутствующим. Когда мы знаем, что мы одни ничего не знаем, все остальные ничего не знают, это уже некоторый результат. Я должен констатировать, что, к сожалению, мы находимся на начальной точке в осмыслении тех проблем, которые нам предстоит решать. Но реальность такова, какова она есть. По крайней мере, мы должны стоять на ногах твердо и понимать мир, в котором мы находимся.

Конечно, очень тяжелая задача – сформулировать вопросы стратегии догоняющего развития в условиях, когда так много факторов неопределенности, например, кого и что мы собираемся догонять. Попробуем развернуть исследования в этой области. Большое спасибо.
